

49. ЛЕТНИЕ ЗАМОРОЗКИ

Зашумела, загуло,
Бы землетрасенне,
На палескае сяло
Пайшло утрапенне...
Рыюць людзі топкі торф
У вадзе па пахі,
А у жылах бурліць кроў —
Багна ім не ў страхі...
За канавай — як струна —
Новая канава, —
Ўсе падобны, як адна,
І злева, і справа...
Трактары шнуруюць
Над Арэсай-рэчкай,
Сякуць плугам, дыскам
Торфішча на сечку.
Жыта, авёс, бульбу,
Каноплі, капусту
Засяваюць, садзяць
На той глебе тлустай.
І сёння зайздросціць
«Мінарал» балоту,
Бо ўраджай на торфе,
А на ім пустота...
Аб новым Палессі
Яснае зары
Складаць будуць песні
Складна песняры.
Апяюць у песнях
Працу, гераізм,
Як на край балотны
Йшоў сацыялізм...

Поэму Янки Купалы «Над ракою Арэсай» читать мне страшно, как смертный приговор Полесью. Человек, сочинивший такой приговор, не мог не сделать себе харакири. Партийными текстами (и процитированными, и другими) он защищался от Сталина. Хотел жить, а не пропасть в Гулаге, как множество белорусских литераторов. Загвоздка заключалась лишь в том, что он был поэт, он жил и умирал вместе с природой, которой в угоду Сталину подписал приговор.

Первая попытка самоубийства (1930) у Купалы оказалась неудачной: от ножевого ранения его спасли. Вторая попытка, в 1942-м, в лестничном пролете гостиницы «Москва», завершилась полетом в вечность.

В юности я любил бывать в сквере у театра Янки Купалы в Минске, где стоял небольшой теплый домашний бюст поэта. Не такой помпезный огромный недосыгаемый, как позже поставил напротив цирка партийный босс Машеров, главный мелиоратор советской Белоруссии, исполнитель смертного приговора Полесью. Приходить сюда мне не хочется. Неуютно себя чувствую. Как только сяду на скамеечку, так в голову лезет «зашумела, загуло, бы землетрасенне, на палескае сяло пайшло утрапенне...»

Утрапенне — по-русски значит безумство, безумие, сумасшествие, неистовство, одержимость, энтузиазм. Совершенно противоположные значения! Что хотел сказать Купала, употребив многозначное слово? Я хочу заставить себя поверить, что поэт предчувствовал, чем завершится социалистическое безумство.

В шестидесятых, когда мне было двадцать лет и всего двадцать лет оставалось до обещанного Хрущевым коммунизма, я впервые увидел, как осушенный, распаханый торфяник черной тучей поднимается над полем и улетает прочь, оставляя купаловские «жыта, авёс, бульбу, каноплі, капусту» без почвы, а колхоз — без надежды. С тех пор и пишу о мелиорации. Точнее — о квази-мелиорации. О горе-мелиораторах, которые портят Беларусь, как кроты портят ухоженную грядку. Дачники меня понимают, колхозники — не всегда.

Мелиорация как действие из-за безденежья переживает кризис, но идея не умерла. Старое поколение передает молодому только одно — страсть рыть. Прозрение — не передает. Больше нигде не встретишь таких слепых, но страстных спецов, как среди горе-мелиораторов. Они любят ссылаться на поэта-мелиоратора Купалу. На клеветника Козловича обычно набрасываются, как лобастые быки — на красную тряпку.

Ускользаю, крото-быки. Применяю уводящий прием. Подставляю вам официальную газету. В конце прошлого века обнаружены необычные следы социализма в «новом Полесье», предвосхищенном Купалой. Журналисты выражаются не так складно, как классик литературы, зато внятно:

«Внезапные заморозки в середине мая уничтожили в стране около 600 тысяч гектаров зерновых. Отмечена также гибель многолетних трав, всходов льна, сахарной свеклы, овощных культур.

Особенно пострадала Минская область. Погибли более 120 тысяч гектаров озимых, на которые была сделана ставка в программе «Зерно». Некоторым хозяйствам придется практически заново проводить посевную...

Чтобы впредь избежать подобных катаклизмов, производителям необходимо работать с учеными в более тесном контакте... До сих пор нет

ясности, как использовать торфяники Солигорского района, где посевы гибнут чуть ли не каждый год.»

«В трех полесских районах — Лельчицком, Житковичском, Ельском — от майских заморозков погибло более половины посевов... На минеральных почвах температура опускалась ночью ниже -5 градусов, на торфяниках — до -12 . В Лельчицком районе свыше 67 процентов земель — торфяники! Что уцелело при первых заморозках, было добито последующими. После очередной ночи яркие весенние пейзажи сменились унылостью поздней осени...

Люди горюют: «Такое впечатление, будто природа мстит нам за проведенную ранее мелиорацию и желает восстановить прежний свой облик».

Летние заморозки — новая напасть на осушенную страну. Беларусь расположена в зоне рискованного земледелия. Заморозки превращают Беларусь в зону невозможного земледелия.

Беду никто не ждал, как не ждут плохую погоду. Авось повезет в следующем году. Не везет. Заморозки повторяются. По-вражьи подкрадываются ночью, в основном под утро, когда спят 100 000 силовиков государства. Конечно, долго это продолжаться не может. Поскольку цикличность заморозков статистически устойчива, силовикам прикажут не спать, сесть на бронетранспортеры и водометные машины, подкараулить врага у полей, обезвредить, обеспечить продовольственную безопасность страны.

Чтобы в очередной борьбе государство не сжигало впустую дорогой бензин, я тороплюсь напомнить, что летние заморозки в Беларуси — вечны. Их механизм изучен, их тактика разоблачена. Заморозки не только губят, но и дают. Исследователям они дали диссертации и научные звания, помогли издать умные книги. Белорусские летние заморозки рождаются так:

Существует электро-магнитное действие атмосферы. На земную поверхность идут инфракрасные лучи, представляющие собой тепловое радиационное излучение. Интенсивность атмосферного излучения усиливается с повышением температуры воздуха, увеличением в нем водяных паров, углекислого газа, облачности.

Существует и земное радиационное излучение. Через него земная поверхность утрачивает тепло, накопленное от поглощенного атмосферного излучения. Летним днем земля теряет тепла меньше, чем получает из атмосферы. Летней ночью — наоборот. Происходит радиационное охлаждение земной поверхности и предметов в ней. Температура на поверхности земли ниже, чем соседнего слоя воздуха. Это называется

заморозком. Интенсивность охлаждения зависит от местного микроклимата: рельефа, особенностей почвы, растительного покрова, наличия водоема, реки, тумана.

Ночные заморозки посещали летнюю Беларусь и раньше. Всегда. Но раньше скорость нагревания и остывания почвы была иной — более медленной. Агрономы делят почвы на теплые и холодные. Теплыми считаются песчаные, супесчаные и легкоглинистые почвы, то есть те, на которых белорус выращивал пропитание издавна, всегда. Холодные почвы — торфяные, они были малоупотребительны, во влажном состоянии лежали в болотах под лугами и сенокосами.

Мелиораторы зарылись в торфяные почвы по причине их «высокой природной плодородности и экономической эффективности». Торф показался решающим фактором ускоренного строительства социализма. Высушенный и сформованный в брикеты, он исправно горел в топках первых электростанций. А как источник плодородия показал коварство. Во-первых, улетал с ветром. Во-вторых, провоцировал летние заморозки.

Вероятность заморозка на поверхности осушенного торфяника в 20 раз выше, чем на суходоле, «мінарале» (Купала). Почему? Все знают: из-за малой теплопроводности. В Беларуси делали из сухого торфа теплоизоляционные плиты (сейчас заменены пенопластами). Торф и на поле проявил собственную физику: чем больше осушенных торфяников мелиораторы ставили на службу социализму, тем чаще, шире, опустошительнее были заморозки. Они стали смертельно угрожать земледелию как на торфяниках, так и на суходоле.

Заморозки на суходольных почвах не так часты, но их причины те же: мелиорация. Вспомним о механизме заморозка: радиационное охлаждение поверхности земли медленнее происходит там, где воздух насыщен водяными парами. Псевдо-мелиорация убрала болота, малые и средние речки, озерца, лужи, сократила открытую водную площадь, то есть поверхность испарения (кроме того, вода, медленно остывая, сама служила источником ночного тепла). В сухом воздухе земное излучение имеет высокую скорость и интенсивность. Тепло катастрофически быстро покидает и торфяник, и суходол, уступая права заморозку.

Так природа мстит.

(Заморозки в Беларусь приносятся и арктическими воздушными массами. Таких заморозков бывает намного меньше, чем радиационных. Они прогнозируемы, к ним можно заранее подготовиться.)

В советские времена нас смешил Аркадий Райкин. Выходил, помнится, на сцену и нарочито говорил с жутким произношением, искажая каждый звук. Оказывается, комический герой побывал у стоматологов, у них узкая специализация: один сверлит, второй ставит коронку, третий — мост, а за дикцию никто не отвечает.

Сегодня меня вынудил вспомнить райкинскую комедию один солидный ученый-аграрий. Я спросил, как, по его мнению, спасти белорусское земледелие от вымораживания. Он ответил, что рекомендации по использованию осушенного торфяника его институт выдал давно, они правильны, их надо исполнять, но не исполняют. А что сделать, чтобы исполняли? — спросил я еще. «Это не мой вопрос, — сказал ученый, — я отвечаю за свое дело». Иными словами, за дикцию он не отвечает. Можно смеяться и плакать, как в трагикомедии.

В Беларуси существует Академия аграрных наук. Ученые играют аграрную трагикомедию: один институт отвечает за торф, другой — за «мінарал», третий — за земледелие, четвертый — за почву, пятый — за защиту растений, шестой — за бульбу, седьмой — за лен, восьмой — за яблоки и груши, девятый — за огурцы и помидоры, десятый — за луг, одиннадцатый — за севооборот..., а за погоду не отвечает никто.

На аграрную сцену триумфально выходит летний заморозок — и весна на глазах превращается в осень, и растерянно пучат глаза высокопрофессиональные актеры, не понимая, что это они сообща дали волю заморозку, сотворили в Беларуси погоду, несовместимую с земледелием.

Летние радиационные заморозки в Беларуси — рукотворны. Они свидетельствуют об отсутствии в стране общего взгляда на природу, погоду, поэзию и сельское хозяйство. Заморозки сигнализируют о потере государством земледельческой мудрости. Сельскохозяйственная специализация (молочно-мясная) навязана Беларуси социализмом по той же командной схеме, по какой Янке Купале навязан примитивный репортаж о мелиорации. Под специализацию подогнали природу, осушили болота. Получили заморозки. Хорошо. Заморозки должны наконец открыть глаза науке и власти.

Холодный торфяник провоцирует поиск оптимального стандарта аграрно-промышленного комплекса. Если не провести репрофилирования районов и регионов, экономика не выдержит двойного сева, лопнет. Летние заморозки — повод для реструктуризации АПК Беларуси, для новых, неожиданных вариантов. В природную концепцию сельского хозяйства впишутся фермеры, производственные фантазии которых неистощимы. Но, похоже, утренний иней залепил глаза власти и науке.

Белорусские научно-исследовательские институты сельскохозяйственного профиля настолько узко специализированны, что не видят общей картины, потеряли контакт с природой. Ученые-аграрии пошли вслед за коллегами из точных наук — физики, химии, генетики, математики, радиобиологии... Если в микромире узкопрофильные исследователи открывают новые истины, то в макромире узкопрофильные исследователи все дальше уходят от главной, удивительной и простой, уже открытой, выстраданной человечеством истины: Природа едина и неделима.

Кроты-аграрии роются каждый в отдельной норке, откладывают там свои открытия и рекомендации, невостребованные никем, кроме кротов. Сидят в темноте, в изоляции от мира, грызут, например, собственные рекомендации по использованию осушенного торфяника. Правильные рекомендации. Доказанные печальной практикой.

На торфянике нельзя сеять пропашные культуры, с зерновыми тоже не соваться бы. Торфяник — для лугов и сенокосов. Под травой торф не минерализуется и не исчезает столь стремительно, как под картошкой либо свеклой. Чтобы трава росла, а торфяник не пересох и не улетучился, нужно поднять уровень грунтовых вод. Вернуть в речки и озера спущенную мелиораторами воду. Позволить природе стать в исходное положение. «Разрешить» контролируемое повторное заболачивание.

Там, куда вернется вода, начнется интенсивное испарение. Нагретая за летний день вода подогреет ночь и утро. Влажный торфяник под травами «потеплеет», ибо выше станет его теплопроводность.

Изменится микроклимат, сделается таким, каким был в Беларуси до тотальной мелиорации, — мягким. Типичная белорусская природа будет противостоять летнему заморозку.

Летним вечером запоют в речках и озерах лягушки, которые в последние десятилетия замолчали. На полнеба будут вспыхивать зарницы, обещаая теплый дождь, хороший урожай, чистый воздух, легкое дыхание, счастливое будущее... И когда ночной дождь зашумит, когда молнии засверкают и ударит гром, — в деревне Горск в 1963 году проснется поэт, будет лежать с открытыми глазами, жить вместе со стихией, с родиной. Когда гроза уйдет, поэт откроет окно в сад, будет слушать шелест капель в листве и сочинять стихи. А затем заснет счастливый. Прочтем его стихи из моего авторского архива:

**Няхай сёння ноччу пройдзе спорны дождж,
Каб зарунелі за вёскаю высахлыя папавы,
Каб вільготным лістом трымцеў мой сад,**

**Каб салёнымі губы ў закаханых былі...
А я буду думаць аб іх усіх:
Як расце і ўмываецца на паплавах трава,
Як у садзе маім росны шум,
Як каханья недзе туляцца пад павець...
А заўтра няхай будзе сонечны дзень,
Каб гусі вясковыя высыпалі на паплавы,
Каб яблыкам з сада блішчаць-рыпець,
Каб на душы закаханых светла было,
Каб яны нарадзілі новы свет,
Каб той свет быў такі, як гэты.
Лепшага свету — няма.**

От стихов меня оторвал хор кротов: «А где разместить в твоём мире рожь, картофель и свеклу, если все занять травами да болотами? Чем накормить коров и свиней? Как развивать специализацию страны?»

Им не понравились стихи моей юности про теплый дождь. Аграрии копошатся в своих НИИ-норах: информации, агрохимии, техно-экономических исследований, механизации и электрификации, мясной промышленности, молочной отрасли, рыбного хозяйства, птицеводства, ветеринарии, охотничьего дела, защиты природы, охраны воды, обороны воздуха... Они не видят, что на Беларусь напоззает ледник.

2000